

УДК 811.161.1'0+811.161.1'373.23(045)

С.Г. Шейдаева

ИВАШКА ИЗ XVII ВЕКА: ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И В СИСТЕМЕ АНТРОПОНИМОВ

В статье на материале сопоставления данных памятников русской деловой письменности XVI-XVII вв. и исторических процессов антропонимизации рассматривается отражение внешнего облика человека в речи (тексте) и языковой системе. Выявлены и описаны такие характеристики, как цвет волос, глаз и лица, размер и форма лица и его частей, особенности телосложения и др. В группе колоративов обнаружены переносы цветowych прилагательных из сферы зоонимов, охарактеризованные как факты дискурсивной метонимии (*рыжий, карий, сивый* и др.), а также использование разноструктурных адъективных номинаций для обозначения цветowych оттенков (*рус, белорус, вчерни рус*). Рассмотрены семантические противопоставления при описании формы лица (*круглое, продолговатое, плосколицее*), носа (*долговат, коротконос, плосконос*) и др. Оказались выраженными в языковых единицах также и факты отсутствия некоторых атрибутов человека (*безбородый, голобородый, голоусый, безносый, беспальный*). Сопоставление фактов характеристики внешности человека в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв. и в прозвищных наименованиях того же периода показало, с одной стороны, использование одного и того же источника – адъективной лексики русского языка, а также наличие общей цели – идентификации человека по его внешности. С другой стороны, обнаружилось заметное различие в выборе признаков и создаваемых языковых структур: если в памятниках письменности признаковые характеристики человека представляют собой компоненты предикативных сочетаний (*усом бел*), то в начале цепочки, ведущей через прозвище к фамилии, находится атрибутивное словосочетание (*белый ус > белоус > Белоус > сын Белоусов > Белоусов*). Различие – в функциях сообщения (предикация) и именования (номинация), что в целом обусловлено разными дискурсивными сферами – деловой и бытовой.

Ключевые слова: история русского языка, прилагательные в памятниках письменности, описание внешности человека.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-697-715

Характеристика внешности человека, как когнитивно-коммуникативный акт, состоит из выявления индивидуальных признаков описываемого объекта и выражения их в номинативных единицах. Контексты с описанием внешнего облика человека широко представлены в памятниках русской деловой письменности и, в частности, в записных кабальных книгах XVI-XVII вв. Слово *кабала*, тюркское лексическое заимствование, имело в русском языке значение «письменное долговое обязательство; заемная расписка». В кабальных книгах фиксировались не только записи о размерах и формах отработки или выплаты долга, но и «словесные портреты холопов, их своеобразные личностные паспорта» [15].

В энциклопедии по отечественной истории сообщается, что вольный человек, получивший в долг определенную сумму денег, поступал в зависимость к своему кредитору и обязывался служить ему, отрабатывая проценты с долга [52]. При этом он имел право выкупиться, заплатив долг, однако мог и на всю жизнь остаться в холопах или сбежать от хозяина. В последнем случае оказывалось востребованным описание внешности беглеца. Вот типичный пример из Новгородских записных кабальных книг: «*Се язъ Олексей Иванов сынъ занял есми у князя Семена у князь Офонасьева сыны Мещерского денегъ три рубли от Покрова Пречистые да того жъ дни на годъ, а за ростъ мне Олексею у государя своего у князя Семена служити по вся дни во дворе*», далее следует запись вопросов и ответов о том, у кого раньше служил заемщик, а также описание его внешности – «*А ростомъ человекъ средней, волосомъ чермень, очи красносеры*», и сведения об уплате пошлины [29, с. 1] (цитаты из памятников письменности проводим в упрощенной графике).

В данном случае описаны три приметы человека – рост, цвет волос и глаз. В других заемных кабалах, а также и в челобитных, могут быть указаны также форма лица и его частей, у мужчин – наличие или отсутствие бороды и усов, возраст человека, другие индивидуальные признаки. Например: *ростомъ средней человекъ, волосы на голове черноваты, глаза белосеры, борода невелика руса* (1593) [43. Вып. 1, с. 136], *сестра его ростом велика, волосомъ черна, очи велики, вески черны* (1594) [43. Вып. 2, с. 190], *а Ермола ростом невелик, волосом рус, в лицо чермен, очи серы, ус занимаетца, на правой щеки рубец, лет в дватцать* (1603) [43. Вып. 5, с. 251].

Повторяющейся приметой в таких контекстах является **цветовой признак**. В статье Т.Ф. Ващенко «Лексические данные кабальных записей» сообщается, что «цвет волос, тела, глаз – естественные приметы, по которым разыскивали холопов. ...Обилие названий цвета достигается главным образом за счет обозначения всех оттенков основного цвета» [6]. В анализируемых нами материалах цветовая характеристика дается волосам, глазам и лицу человека.

Во фрагментах, представленных выше, были названы черный и русый цвет **волос на голове**. Приведем и другие факты: *волосом бела* (1598) [43. Вып. 4, с. 62], *волосом светлорус* (1602) [43. Вып. 7, с. 366], *а в приметы заимщикъ волосом темнорус* (1667) [43. Вып. 1, с. 135], *волосомъ седъ* (1595) [43. Вып. 24, с. 33], *волосом каръ* (1603), *волосьми рыж* (1670) [43. Вып. 29, с. 69, 77], *волось на голове въ чермне русъ* (1671) [43. Вып. 3, с. 7], *волосомъ чермень* (1603) [43. Вып. 8, с. 106], *волосы на голове черноваты* (1593) [43. Вып. 1, с. 136].

Цвет волос обозначается прилагательными с цветовыми значениями от самого светлого до самого темного: *белый, седой, светлорусый, русый, темнорусый, карий, чермный, рыжий, черноватый, черный* и др. Можно предположить, что так называемые «цветовые» фамилии людей (*Белов, Седов, Рыжов, Чернов*) в процессе своего исторического формирования (как соотношенные с дохристианскими именами и прозвищами) отражали, прежде всего, цвет волос – один из наиболее приметных признаков индивида: *волосом бел – Белой, Белов; волосомъ сед – Седой, Седов; волосьми рыж – Рыжий, Рыжов; волосом черный – Черной, Чернов*.

Конечно, не любая современная «цветовая» фамилия конкретного человека была образована как отражающая именно цвет волос отдаленного предка. Цветовые по своему происхождению прилагательные использовались в языке в самых разных значениях. Так, *белый*, помимо названия цветового признака, в текстах XVI-XVII вв. имело значения «неокрашенный, бесцветный», «чистый», «бельевой» (*белая швея*), «свобожденный от феодальных повинностей, нетяглый» и др. [43. Вып. 1].

И всё же именно выделение белого цвета волос (и цвета лица), послужило, по-видимому, основной причиной появления уже в древнерусском языке таких прозвищ, как *Белой, Белун, Беляй, Беляна* и др. Практически каждое из них стало основой для будущей фамилии, как это представлено уже в памятниках письменности XVII в.: курской стрелец Дементей Павлов снъ *Белой* (1628), курчнину Климу *Белому* (1639) [34, с. 174, 161], подьячей Аничко *Белов* (1645) [2, с. 138], двор Кузма *Беляев* (1614) [30, с. 15].

Прозвища как особый вид антропонимов относятся к древнейшей именной системе. В.К. Чичагов, заложивший основы изучения русских прозвищ, определил их как «слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны определенному, часто довольно замкнутому кругу общества» [49, с. 5]. Среди разных видов прозвищ выделяют группу, характеризующую внешний вид человека в целом, а также его рост, особенности телосложения, особенности отдельных частей тела, цвет волос.

В монографии «Современные русские фамилии» А.В. Суперанская и А.В. Сулова говорят о том, что на основании фамилий *Белин, Белавин, Беланин, Белашин, Белухин, Белянин* и др. можно реконструировать имена *Бела, Белава, Белана, Белаша, Белуха, Беляна* и др. [46, с. 35]. В народных говорах фиксировались такие слова, как *белявый* – «очень бледный», *беляк* в значении «ребенок, имеющий очень белый цвет лица или волос», *белянка* – «белолицый человек (обычно о женщине и ребенке)» и др. [42]. Каждое из этих признаков слов могло послужить основой для личного внутрисемейного имени человека. В современной коммуникации также используется ряд прозвищ, связанных со светлым цветом волос человека, – *Белый, Белка, Белобрысый* [27].

Эталонем белого цвета в русском языке является цвет снега или мела [5], хотя в приложении к разным денотатам это значение варьируется. «По своей природе цвет неотделим от предмета, и это отражается в языке» [17, с. 67]. Так, определяя существительное *волосы*, прилагательное *белый* указывает на светлый цвет вообще, чаще всего – светлорусый. Показательно, что значение композита *белорусый* в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» описывается именно как «светлорусый».

Эталонем **черного** цвета в русском языке является цвет сажи, угля, это «самый темный из существующих цветов» [5]. В анализируемых памятниках прилагательное *черный* при описании цвета волос имело прежде всего более отвлеченное значение – «тёмный». Характеристика *белых* или *черных* волос – это противопоставление признаков *светловолосого* и *темноволосого* человека. Ту же семантическую оппозицию отражают русские говоры, где *черный* в значении «темный» является базой

для образования таких слов, как *черняш* «смуглый человек», *чернявый* – «темноволосый» (алт., ново-сиб., арх.) [37, с. 127].

Прилагательное *черный* в XV–XVII вв. в русском языке было поливалентным, оно сочеталось с широким кругом слов [17, с. 75] и выражало не только цветовой, но и другие признаки – обозначало черты характера человека («злой», «плохой»), его социальное положение (тот, кто выполняет повинности) и др. В то же время личные имена с этим корнем были мотивированы, прежде всего, именно цветом волос (и смуглой кожи) человека: *Черной* (отмечается с XIII в.), *Черныш* (с XV в.), *Черняй*, *Черняк*, *Чернава*, *Черник* и др. Все они послужили, в свою очередь, основами для фамилий; примеры из памятников письменности: *Чернов* [24], *Чернышев* [33], *Черняев* [24], *Черняков* [34, с. 26], *Чернавин* [30, с. 92], *Черников* [35] и др.

С потерей пигмента любые волосы становятся **седыми**. *Седой* – это оттенок между белым и серым; в словарях иногда описывается как «белый, серебристый» [5], этимологически родственно слову *серый*. Прилагательное *седой* использовалось в XVII в. не только для обозначения цвета волос у человека, но также цвета меха животного, например, *конь шерстью сед* (1658) [43. Вып. 24, с. 33]. Среди именовании людей начала XVII в. фиксируется прозвище *Седой*: курского пушкаря Олфима *Седого* (1627) [34, с. 149]. Отметим любопытный факт пересечения прозвища человека с «лошадиной» тематикой: крестьянин из Болховского уезда *Седогризов* (1714) [25, с. 26].

Слово *русый* описывается в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» весьма расплывчато как «светловолосый, белокурый; светлокаштановый, желтовато-коричневый; оливковый (о цвете волос, глаз, кожи)» [43. Вып. 22], но все оттенки – в светлом спектре. Происхождение этого слова связывают с группой *рдеть*, *руда*, то есть с красным цветом, а в современном языке *русый* осознается как «светло-коричневый» [23]. В рассматриваемых текстах XVII в. используется немало названий его оттенков: *белорус*, *светлорус*, *вчерни рус*, *избела рус*, *исчермна рус* [15], но все они варьируются лишь в отношении интенсивности проявления цвета.

Приведем некоторые примеры из текстов: Иванко, прозвище Жданко ... человекъ средней, *волосомъ русъ* [29, с. 24], во сне ему явился стар члвкъ *волосомъ рус* (1626) [30, с. 161], *волосомъ голова светлоруса* (1683) [43. Вып. 23, с. 147]. Некий римский посол, живший в XVII в., сообщал о том, что волосы у русских *русые* или с *рыжиной*. Можно привести также строки Н.А. Некрасова: «Тяжелые *русые* косы упали на смуглую грудь», вспомнить известные строчки из советской песни «Я трогаю *русые* косы, ловлю твой задумчивый взгляд» и многие другие, отражающие типичную черту облика русской женщины. «Привычным глазу и традиционно русским принято считать *русый* цвет» [27].

Но в то же время вряд ли можно связать происхождение фамилий типа *Русаков* именно с цветовым признаком волос, поскольку словом *русак* называли и русского человека вообще, и зайца, а в народных говорах даже и таракана. В то же время фамилия *Русаков* была, естественно, связана с прозвищным именованием отца *Русак*, например, *се язъ Фирсъ Ермолинъ сынъ прозвище Русак* (1595) [43. Вып. 22, с. 258].

Прилагательное *русый*, хотя и отражало частотный признак цвета волос, не породило цепочек производных личных имен и практически не отражено в составе современных русских фамилий. Помешала этому, по-видимому, и омофония с названием национальности (*русый*, *русский*), и широкая распространенность этого цвета волос среди русского населения. Как известно, наиболее заметными, информативными являются редкие знаки, они обладают сильным различительным потенциалом, а то, что часто встречается, воспринимается как общий фон. Принимая во внимание, что основной функцией антропонимов является идентификация лица при помощи опознавательных признаков, можно сделать вывод о слабой различительной силе русого цвета в России.

С обозначением оттенков **красного цвета** (эталон – цвет крови) в памятниках деловой письменности связаны прилагательные *рыжий*, *чермный* и *карий*. При этом характеристика *рыжий*, как «красно-желтый», в XVI–XVII вв. чаще применялась в отношении лошадей, например, *мерин рыж* (1593) [33, с. 15]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» данное прилагательное приводится только в контекстах с описанием лошадей, где называется множество оттенков рыжего цвета: *рыжепегий*, *рыжебурый*, *в рыже чалый* и др. [43. Вып. 22]. То же самое и в других источниках, например, *коня моево рыжава* (1620) [33, с. 138].

Язык деловых памятников, при всей своей шаблонности, не мог не отражать речевые факты, в частности и перенос слова *рыжий* в сферу характеристики человека. Оно оказалось удобным для обозначения цвета смешанного типа, например: Федька Носок низмен, *волосьми рыж* (1670)

[43. Вып. 29, с. 77]. В статье «Динамика валентности цветообозначений в истории русского языка» С.В. Кезина и М.Н. Перфилова подчеркивают, что «особенно важно изучение сочетаемости цветообозначения при анализе исторической динамики цветолексем, когда материалами исследования становятся памятники письменности» [17, с. 68].

На то, что в народной речи прилагательное *рыжий* широко применялось по отношению к человеку, указывает ряд антропонимов, соотнесенных с ним: Ивашка *Рыжыи* (1639) [20, с. 253], Иванъ Светило *Рыжко* (1609) [49, с. 24], Милонка Кондратевъ снъ прозвища *Рыжка* (1636) [34, с. 79], Леонтей Архипов сын *Рыжих* (1578,) [3, с. 109], гонный охотник Федор *Рыжков* (1618) [33, с. 106], *Рыжаков* (1655) [47. Т. 3]. Наличие этих имен свидетельствует об устойчивой традиции именования человека по данному цвету волос.

В памятниках русской деловой письменности для обозначения цвета волос человека использовалось также прилагательное **чермный** (однокоренное со словом *червь*) [51. Вып. 4, с. 149] в значении «красный», «рыжий», например: *волосом чермен* [15], пришел де к ней детина молод *чермен* (1659) [30, с. 184], *волось на голове въ чермне русь* (1671) [43. Вып. 3, с. 7], *волосомь рус, светлочермен* (1603) [43. Вып. 23, с. 147]. В текстах XVII в. и ранее фиксируется ряд антропонимов, соотнесенных с данным прилагательным: Негодяй *Черъмной* [49, с. 23], с Никифора Никитина сна *Чермного* (1623) [35, с. 45], усонец *Чермных* (XVII в.) [47. Т. 2].

Прилагательное **карий**, толкуемое в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» как «красно-черный, каштановый, кофейный» [43, Вып. 7], обычно использовалось для обозначения цвета шерсти, масти животных, например, *мерин карей* (1696) [43. Вып. 7, с. 79], а в описаниях внешности человека характеризовало цвет глаз. Однако в памятниках начала XVII в. имеются контексты, где это слово применяется и в определении цвета волос человека, например: *волосом карь* (1603) [43. Вып. 29, с. 69], *замщик... лицомь смугловат, волосы светлокари* (1670) [43. Вып. 23, с. 144]. Слово *карий* относят к древнерусским заимствованиям из тюркского от *кара* «черный»; в русской письменности встречается с XIV века в форме *карьи* [50].

Итак, в деловой письменности XVI–XVII вв. цвет волос у человека описывался с помощью колоративов, которые можно распределить в три группы: светлый (*белый, седой, русый, светлорусый*), темный (*черный, черноватый, темнорусый*) и, реже, цвета красного спектра (*рыжий, чермный, карий*). Из этих цветовых признаков наиболее востребованными в процессах антропонимизации оказались *белый, черный и рыжий*.

Рассмотрим далее цветовые оттенки **бороды и усов**, которые также нередко указывались среди индивидуальных характеристик внешности человека, например: Фадей лицомь чермнь, *белуос* (1593) [43. Вып. 1, с. 136], *усть русь* (1595) [43. Вып. 22, с. 194], *борода изруса* [43. Вып. 6, с. 206], *усть и борода проседаеть светлорусы* (1671) [43. Вып. 3, с. 7], *А усть выседаеть светлорус* (1690) [43. Вып. 29, с. 289], *волосомь: голова, борода и бруды изътемнорусы, усть посветлее, русь* (1677) [43. Вып. 1, с. 339], *борода сива* невелика (1670) [43. Вып. 29, с. 77], *а борода черная* невелика (1696) [43. Вып. 1], *боротка чермна* (1600) [43. Вып. 4, с. 62].

Здесь названы, в основном, те же цвета, что у волос на голове, – *белый, русый (светлорусый, темнорусый), черный и чермный*. Не было обнаружено использование прилагательного *карий*, менее частотного и при описании волос вообще; реже представлен *черный* цвет и его оттенки.

В то же время добавлен *сивый* цвет (бороды) как «темно-серый» [43. Вып. 24]. Это прилагательное было также привлечено из лексико-семантической группы «Масть лошади» (вспомним *Сивку-Бурку*). Имеются некоторые параллели между кличкой лошади и прозвищем человека (как в паре – конь *Рыжко* и прозвище человека *Рыжко*): лошадь темно-серой масти *Сивка, Сивко* [43. Вып. 24, с. 121], о человеке – *послано с Сивкомь четьри алтыны* (1569) [43. Вып. 24, с. 121], *по Григорьеве Петрова сына Сивкова* (1582) [3, с. 188].

В текстах XVII в. встречаются антропонимы, мотивированные сложными прилагательными *белоусый, черноусый, белобородый*: крестьянинъ Ивашка *Белуос* (1619) [35, с. 99], а переписные книги писал Сенка *Белуосовъ* (1637) [34, с. 123]. Прилагательные *белобород* и *черноус* по памятникам письменности нам неизвестны, однако об их существовании свидетельствуют следующие антропонимы: посадский человек из Воронежа Офанасий *Белобородый* (1619) [35, с. 295], *Черноус* [45, с. 36], боярский сын Степан *Черънаусов* (1617) [33, с. 92]. Показательно здесь то, что данные имена собственные, как производные от композитов со структурой «цвет + усы, борода», отражают именно цвет

усов и бороды, а не каких-либо других частей тела человека. Сложные номинативные единицы всегда более информативны, чем простые.

Устойчивым компонентом описания внешности человека в деловых памятниках письменности XVI-XVII вв. являлся **цветовой признак глаз**. «Наиболее значимыми семиотически частями тела, по данным языка, являются лицо и глаза» – пишет О.В. Коротун в диссертации «Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира» [19].

Именно у глаз, или, как чаще здесь называется, *очей*, находим наибольшее разнообразие цветовых характеристик: белый и его оттенки – *оче белы* (1603) [43. Вып. 29, с. 69], *глаза беловаты* (1593) [43. Вып. 1, с. 134], *очи на бели серы* (1592), *очи белы съ серью* (1593) [43. Вып. 24, с. 93], *глаза белосеры* (1593) [43. Вып. 1, с. 136]; серый и его оттенки – *глаза серы* (1599) [43. Вып. 3, с. 7], *очи серы* (1603) [43. Вып. 4, с. 300], Германы... большей частью *сероглазы* (1670) [43. Вып. 24, с. 91], *глаза светлосеры* (1614) [43. Вып. 23, с. 145], *глаза темносеры* (1614), *очи темносеры* (1597) [43. Вып. 29, с. 289], *очи вчерни серы* (1670) [43. Вып. 24, с. 93]; карий и его оттенки – *глаза кары* (1668) [43. Вып. 7, с. 79], *глаза светлокары* (1670) [43. Вып. 25, с. 216], *очи в сери кары* (1594) [43. Вып. 7, с. 79], *очи серы в каре* (1602) [43. Вып. 24, с. 93]; красный и его оттенки – *очи красны* (1603) [43. Вып. 8, с. 20], *очи изкрасна серы* (1603) [43. Вып. 24, с. 93], *очи красносеры* [29, с. 12], *глаза буры* (1603) [43. Вып. 29, с. 69], *глаза русы* (1653) [43. Вып. 4, с. 297]; черный и его оттенки – *а очи черны* [29, с. 5], *очи прочерны* [43. В. 20, с. 286] и др.

Прилагательное в сочетании «глаза белы» поясняется в словаре как «светлый, белесый» [43. Вып. 1]. Нами был обнаружен всего один композит такого рода, да и то в описании иноземцев, – *сероглазый*.

Наиболее частотным цветом, как это ни покажется сейчас странным, является *серый*. О том, что в России был распространен именно серый цвет глаз, в XVII в. сообщал, в частности, тот же римский посол, который писал о цвете волос: у русских глаза чаще всего – голубые или серые [<https://cyrillitsa.ru/narody/60043-otkuda-u-russkikh-serye-glaza.html>]. Заметим, что голубой цвет глаз в рассматриваемых памятниках деловой письменности передавался, скорее всего, также словом *серый*, в значении которого исследователи отмечают наличие семы «сложный». Не случайно в приведенных выше примерах серый цвет представлен веером переходов – от оттенков белого, красного к черному.

Красный цвет в описании глаз («очи красны») – это карий или коричневый с красноватым оттенком; *красносерый* – рыжегато-серый; *бурый* («глаза буры») – темно-коричневый с красноватым оттенком [43. Вып. 7]. Сравним: в архангельских говорах *бурый* обозначает красный цвет, темно-красный и все оттенки коричневого цвета, а говорах Сибири *бурый* – это просто «темный» [37, с. 128].

Существуют факты использования соответствующих колоративов в функции имен собственных, образованных на базе композитов типа *белоглазый*, *красноглазый*, например: пеший стрелец из Красноярского острога Федор *Белоглаз* (1673) [22, с. 182], место Фетьки Елистратова, сына *Красноглаза* (1672) [43, Вып. 8, с. 17] и др.

Цвет носа, как черта непостоянная, практически не отражается в деловых исторических документах. Однако в антропонимической стихии и он представлен, например, *Федор Красноносый* [49, с. 35].

Составителями кабальных записей нередко фиксировался **цвет лица** в целом, например: *белоликъ* (1667) [43. Вып. 1, с. 135], а рожаемъ Петруша *белорусь* (1594) [43. Вып. 1, с. 136], *рожеем бела* (1603) [43. Вып. 8, с. 19], а *рожаем* де она *непомерно красна* (1599) [43. Вып. 22, с. 195], *рожеемъ чермна* (1594) [43. Вып. 6, с. 46], *Фадей лицом чермнь* (1593) [43. Вып. 1, с. 136], в лице сухошавъ, *смугол* (1670) [43. Вып. 25, с. 216], *заимщик ...лицом смугловат* (1670) [43. Вып. 25, с. 216]. Иногда указывается наличие веснушек или пятен оспы: Миронко долголик, *в лицо рябоват* (1615) [43. Вып. 22, с. 281]. В статье Е.И. Зиновьевой «Лицом румяна рожа толста» отмечены также следующие факты: *лицом блед*; *в лице блед*; *лицом бледноват*, *рожаем румян*; *в лице румян*, *рожаем вбеле румян*, *лицом на бели румяна* и некоторые другие [15].

Итак, в памятниках деловой письменности цвет лица передан прилагательными *белый* (*белорусый*), *красный*, *черменный*, *черный* и *смуглый*. Прилагательное *смуглый* означало «темноватый» и соотносилось с диалектным *смуга* «копоть» [50]. М.Ю. Морозова, исследовавшая прозвища в современной коммуникации, пишет: «Смуглый цвет кожи, данный от природы, у русских редок. Это отклонение от стандарта отмечается прозвищами, особенно в молодежной среде. Смуглых зовут *Шоколадный*, *Копченый*» [27].

На использование слова *рожай* как синонима к слову *лицо* в «Новгородских кабальных книгах» первым указывал В.Н. Зиновьев [14]. Подробно эта тема была рассмотрена в названной выше статье Е.И. Зиновьевой. Автор отмечает, что слова *рожса* и древнерусское *рожай* «вид, лицо», а также *рожаист* в значении «красивый, видный», были широко употребительны в XVI–XVII вв. Существительное *рожса* не имело грубого оценочного характера вплоть до XVIII века. Е.И. Зиновьева пишет: «В поздних кабалах оно встречается значительно реже, заменяясь словом *лицо*. Слово *рожай* в застывшей форме, ставшей канцелярско-деловой формулой — *рожеем* (а также вариант *рожаем*), используется только в текстах ранних кабал со значением «по внешнему виду, облику, наружности» [15].

Слово *лице* в древнерусском языке употреблялось и в значении «лицо», и в значении «щека». Такое его использование известно еще и в XVII в. [14, с. 83].

Е.И. Зиновьева отметила три основных цвета лица, представленных в новгородских кабальных книгах: *черменный* цвет и его оттенки (*чермен*, *сучермен*, *исчермна*), *черный* (*лицом черна*, *в лицо чорн*; *в рожу и волосом черн*, *веденьем черн*) и *красный* (*лицом красен*; *в лицо бел*, *красен*). «В первом примере речь идет о цвете, а во втором, вероятно, прилагательное *красен* употреблено в значении «красивый» – пишет автор [15]. Прилагательное *красный*, как цветообозначение, сменило прежние наименования от корня черв-: *червленный*, *червенький*, *черленый*, которые были широко распространены в древнерусском языке [39].

Среди имен собственных, зафиксированных в XVII в., однозначно можно отнести к антропонимам, мотивированным цветом лица, лишь содержащие отсылку к красному цвету щёк: И отдали Павлу *Краснощокому* подь началъ на дворъ (1666) [43. Вып. 8, с. 19]. Использование композита *белолук* (*белоллица*) также прямо указывает на цвет лица. Это сложное прилагательное встречается в Новгородских записных кабальных книгах дважды [15]. Авторы статьи «Вербализация внешности человека в русской лингвокультуре», анализируя материал русских пословиц, сделали вывод о том, что «в русской языковой картине мира эталоном красоты и здоровья считается белое лицо и румянец на щеках» [11]. Прилагательное *румяный* содержится уже и в древнерусских памятниках. Нижегородский боярин XIV в. именовался Василий *Румянец*. От такого же прозвища было образовано притяжательное прилагательное, на основе которого сформировалось фамильное прозвание: смоленину Василеву члвку *Румянцову* (1619) [33, с. 127].

Отметим также известную русскую фамилию *Рябов*, сохранившую в своей внутренней форме связь с особенностями цвета лица и прозвищем *Рябой*: Нечай *Рябъ* (1508) [49, с. 22], Гриша *Ребои* (1622) [20, с. 254], крестиянинъ Федор *Ребои* явил кабылу рыжу (1647) [35]. Пример из современной речи: «дядя Петя *Рябой* (лицо все в веснушках, так и рябит в глазах)» [27].

В сибирских памятниках письменности XVII в. фиксируется другое прозвище человека с рябым лицом – *Шадра* [9], от которого была образована фамилия *Шадрин*, документируемая в Приуралье с XVI в. [28, с. 308]. Исторические примеры: кузнец Иван *Шадра* (1695) [22, с. 86], Панфилко Андреев *Шадриных* (1690) [28, с. 308]. Слово *шадра́* обычно возводят к татарскому в значении «рябой», *шадровитый* – «побитый оспой» [48].

Итак, основными колоративами, использовавшимися для обозначения цветовых признаков человека в памятниках деловой письменности XVII в., были *белый* и *черный*, представленные во всех четырех группах (цвет волос на голове, усов и бороды, кожи лица и глаз): *волосом бела*, *белоус*, *рожеем бела*, *оче белы*; *волосы на голове черноваты*, *борода черная*, *лицом черна*, *очи черны*. При этом названия белого и черного цвета использовались для образования сложных и составных номинативных единиц, обозначающих разные цветовые оттенки: *глаза белосеры*, *белорус*, *вчерни рус*, *лицом избела рус*, *очи на бели серы*, *очи вчерни серы*.

Цвет – явление сложное. С одной стороны, это свойство, качество предмета, с другой – результат психофизиологических процессов, происходящих в человеческом мозге и в органе зрения [39].

Названия оттенков меньшей или большей интенсивности цвета могли иметь в своем составе компоненты **светлый** и **тёмный**: *волосом светлорус*, *волосом темнорус*, *усъ выседаетъ светлорус*, *глаза темносеры*, *глаза светлокари*. В парах наименований типа *белорус* и *светлорус*, *вчерни серы* и *темносеры* представлены кореферентные обозначения цвета, то есть названия одного и того же признака при помощи слов с разной внутренней формой. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» *светлый* поясняется как «белый или нетёмный», «менее насыщенный по цвету», *тёмный* – «близкий к черному».

«По признаку светлоты самым светлым из всех цветов, которые мы видим, является белый, самым темным – черный. Это нашло отражение и в языке: *черный*, *белый* могут обозначать и цвет

предмета, и характеризовать его по 'светлоте', – пишет В.А. Пищальникова [37, с. 127]. «Эти три явления и три понятия — *свет, цвет, тьма* — очень тесно взаимосвязаны между собой и взаимообусловлены друг другом» [39]. Действительно, свет есть отсутствие тьмы, тьма – отсутствие света, а цвет – это зрительное ощущение, связанное со светом. Соответствующие колоративы *белый* и *черный* относят к ахроматическим названиям («бесцветные, неокрашенные») в противопоставление хроматическим («окрашенным»).

Т.В. Григорьева в книге «Семантическая интерпретация концептов "Свет" и "Тьма" в русском языке» делает вывод о том, что формирование и развитие «языковых миров Света и Тьмы» происходит под влиянием многих факторов: представлений древних людей, зафиксированных в этимологии, социально-исторического фактора (появление христианства на Руси), внутрисистемных связей, прагматического, культурологического и психологического факторов [10].

Цветовые характеристики облика человека в рассматриваемых контекстах отражают естественные, реальные цветовые оттенки, присущие внешности. Они выражаются разноструктурными номинациями: а) простыми одноосновными номинативными единицами, фиксирующими базовые цвета (*белый, черный* и т.п.), б) двуосновными, характеризующими интенсивность/неинтенсивность цвета (*темнорусый, светлорусый*) и передающими переходные оттенки (*белосерый*), смешанные цвета (*красносерый*), в) составными номинациями (*непомерно красна, в чермне русь*), г) а также описательными сочетаниями с компонентом «носитель цвета» (*усь русь; борода сива*), в том числе формирующих и предикативный признак.

Всё это многообразие способов обозначения цвета позволяет формально варьировать языковое выражение цветовых понятий: *белорус, светлорус, избела рус; вчерни рус, исчермна рус; очи на бели серы, очи белы съ серью, глаза белосеры; очи темносеры, очи вчерни серы; очи в сери кари, очи серы в каре; очи изкрасна серы, очи красносеры; белоликъ, рожеем бела* и т.д.

Как уже выше было показано, набор цветовых лексем в характеристике внешности человека пересекался с соответствующей группой названий масти лошади. «С древних времен принято выделять четыре основные масти лошади: *гнедая, рыжая, серая, вороная*. Остальные масти считались производными от этих мастей» [36, с. 102].

Показателен пример с прилагательным *рыжий*, применяемым для обозначения и масти лошади, и цвета волос человека, и ставшего основой для образования имен собственных – зоонима и антропонима: *мерин рыж / Федька Носок ...волосьми рыж; украл бы рыжка, да лиха отрыжка / Иванъ Светило Рыжко*. В то же время набор оттенков этого цвета у лошадей иной, чем при описании волос человека: *рыжий въ буре, рыжебурый (бурый – темно-коричневый с красноватым или сероватым оттенком), рыжий въ кауре (светло-рыжий, светло-каштановый), рыжий въ игрене (светлорыжий), рыжий въ чале (рыжий с сероватым оттенком), рыжепегий (рыжий с крупными пятнами белого цвета)* и др. При этом имеется немало фамилий, основы которых отражают некоторые из «лошадиных» цветов, сравним: *чалый* «с сероватым оттенком» / Данило Клементиев сын Чалого [33, с. 208]; *чубарый* «пестрый, рябой» / елецкий казак Иван Чубаров (1616) [35, с. 58].

Если же сопоставить колоративы номинативной сферы «Человек» с теми, которые использовались в тот же исторический период для обозначения, например, оттенков тканей, то бросается в глаза явное расхождение в их составах. Примеры оттенков тканей красного цвета: *красно-багровый, красно-брусничный, красновато-вишневый, красноватый аки сурик, красно-малиновый* и др. [43, Вып. 8]. Как видим, большинство названий привлечены из сферы «Растения (ягоды)». Всё это проявление творческой силы языка, в котором для выражения, казалось бы, одних и тех же реалий, но в разных коммуникативных сферах, находятся оригинальные номинативные средства.

В памятниках деловой письменности при описании внешности человека, как правило, отражалась **форма и размер лица**, а также и его частей. Заметным является противопоставление круглой и продолговатой формы лица, например: а *рожеемъ Данило въ лице круголь* (1595), а та Федора... *круглолика* (1603) [43. Вып. 15, с. 92, 100], *въ рожу круглоликъ* (1594) [43. Вып. 7, с. 343], Ивашка Титовъ сынъ Негодяевъ... *круглоликъ* [29, с. 15]; *Алешка в лице немного продолговать* (1677) [43. Вып.1, с. 339], *Миронко долголик* (1615) [43. Вып. 22, с. 281], а по осмотру Ивашка Болшаковъ...лицемъ *продолговать* (1690), *лицом островат* (1670) [43. Вып. 29, с. 77, 289], вдова Машка...на *бороду островата* (1676) [43. Вып. 15, с. 101], здесь речь идет о подбородке (существительное *подбородок* фиксируется в словарях русского языка лишь с XVIII в.).

Приметной чертой является также плоская форма лица, не характерная в целом для русского типа, например: а по осмотру Афонка *плосколиць* (1683) [43. Вып. 15, с. 100], а по осмотру Тишка *плосколикъ* (1687), вдова Машка *плосколика* (1676) [43. Вып. 15, с. 79, 101]. Композит *плосколикий* (*плосколицый*) сложился на базе словосочетания *плоское лицо* (*лик*), где *плоский* – «лишенный округлостей, выпуклостей».

В работе О.В. Коротун был сделан вывод о том, что «восприятие внешнего облика человека сопровождается национально-культурными коннотациями, которые проявляются в языке в своеобразии оценок, стереотипизации, метафоризации» [19]. В рассматриваемых нами материалах каждый индивид описывается как конкретное лицо, со своими личными особенностями. Однако системный анализ номинативных единиц в портретных описаниях разных людей позволяет выявить семантические оппозиции, которые несут свою долю информации о типовых чертах человека в русской языковой картине мира.

К размерной характеристике лица относятся контексты с семантическими компонентами «большое», «широкое», «узкое», «толстое», «худое», примеры из текстов: *лицомъ великъ* (1600) [43. Вып. 15, с. 100], *лицом широк*; *в лице неширок*, *в рожу полон*; *полна рожаем*; *лицом полон*; *рожа толста* [15], *в лицо суховат* (1603), Офонка... *сухоцок* (1614), *сухоцав* (1670) [43. Вып. 29, с. 69, 289, 77]. Прилагательное *великъ* – от *велии* «большой» (синонимы – *широк*, *полон*, *толст*); *суховатъ*, *сухоцек* – однокоренные к *сохнуть* (сема «худой»).

Описание формы и размера **частей лица** также нередко представлены в рассматриваемых памятниках и, соответственно, отражены в статьях «Словаря русского языка XI—XVII вв.». Так, **лоб** характеризуется по его ширине: человек с большим и широким лбом – *лобастъ* (1690) или *лбастъ* (1666) [43. Вып. 8, с. 262, 182], например: женка Федосьица Федорова дочь, волосомъ руса, *лбаста* (1666) [43. Вып. 8, с. 182]. В противоположном случае отмечается, что *лобъ усковать* (1593) [43. Вып. 1, с. 134]. Прилагательное *лобастый* послужило основой отпрозвищной фамилии *Лобастов* [24]. Отмечаются и некоторые специфические особенности лба, например: *на лбу межъ очми бороска* (1652) [43. Вып. 1, с. 296], *на лбу на правой взлызины пятенце* (1603) [43. Вып. 2, с. 154].

В народной речи слово *лоб*, издавна использующееся в значении «большой, здоровый человек», породило ряд имен собственных – *Лоб*, *Лобан*, *Лобач* и др., например: казак Гришка *Лоб* (1683) [43. Вып. 5, с. 59], сна боярскова Семена Яковлева сна *Лобова* (1634) [34, с. 181], дворъ Ивашко Ананьинъ сынъ *Лобанъ* (1677), посадской человек Шестак *Лобанов* (1626) [43. Вып. 8, с. 262, 149], Леон Федоров сын *Лобачев* (1645) [2, с. 120].

При описании **глаз** в памятниках деловой письменности отмечается, прежде всего, их большой размер или какие-либо недостатки, например: *очи велики* (1594) [43. Вып. 2, с. 190], *глазатъ* (1593) [43. Вып. 4, с. 29], *объ одномъ глазе* [29, с. 12]. Более конкретную характеристику глаз встречаем в челобитных XVIII в.: *глаза серые с прикосью*; *глаза серые подслеповат* (1741) [31, с. 165, 167-168].

Существительное *глаз*, как обозначение органа зрения, появляется в памятниках письменности лишь с конца XVI – начала XVII в. [48] и используется в данном значении только в русском языке (исходным у слова *глаз* было значение «шарик»; одного корня с *гладкий*). Е.Н. Полякова отмечает, что слова *глаза* и *очи*, очевидно, «в XVII в. относились к разным сферам употребления. Для разговорной речи в Прикамье было характерно только слово *глаз*, оно зафиксировано в разных пермских памятниках... *Око* же отмечается только в монастырских документах при цитировании церковных текстов... В деловых формулах (терминологических словосочетаниях) также фиксируется только слово *око* и образования от него... Однако в употреблении в деловых текстах слова *око* и образований от него отражается не непосредственное влияние церковно-книжного языка на деловой в XVII в., а очень давняя, многовековая непрерывная традиция использования его в административных и юридических документах в устойчивых словосочетаниях» [38, с. 73-74].

В рассматриваемых нами деловых контекстах существительное *глаз* представлено также менее частотно, чем общеславянское *очи* (< *око*). Но в целом в материалах «Словаря русского языка XI—XVII вв.» отражены и само слово *глаз* и производные от него, имеющие словообразовательное значение лица, типа *глазун* «тот, у кого выпученные глаза» [43. Вып. 4, с. 30]. Такие слова, естественно, в деловой письменности не фиксировались, но в народной речи, судя по данным антропонимики, их было уже немало и в XVII в.: *Глазырин* (1606) [16, с. 109], Савелия *Гласкова* (1642) [34, с. 92], Якушко *Глазанов* (1692, [30, с. 126], а также – *Глазунов*, *Глазухин*, *Глазынин* – купеческие фамилии в XVII-

XVIII вв. [13]. Основами этих имен собственных были прозвища *Глазырь, Глазок, Глазан, Глазун, Глазуха, Глазыня*.

Наибольшее разнообразие характеристик по форме и размеру в памятниках русской деловой письменности обнаруживается при описании **носа**, этой «выдающейся» части лица, например: *нос прям долговат* (1653) [43, Вып. 4, с. 297], *нос прямъ, ноздри пришироки* (1652) [43, Вып. 1, с. 296], *нось прям з горбиною остер* (1593), во образе *горбоносъ* [43, Вып. 4, с. 29, 81], *носатъ* (1595) [29], *коротконось* (1594) [43, Вып. 7, с. 343], *нось курчеватъ* (1595) [43, Вып. 8, с. 142], *нось плоскъ* (1600), *плосконос* (1621) [43, Вып. 15, с. 100], *носом сух* (1603), *сухоносъ* (1595) [43, Вып. 29, с. 72, 74], *нось прямоостръ* (1600) [43, Вып. 29, с. 72], *нос на левую сторону маленько кривоватъ* (1656) [43, Вып. 11, с. 424], *нось немного вскоросъ* (1687) [43, Вып. 7, с. 79], *нось прямъ, на конецъ толстоватъ, на носу горбинька невелика* (1689) [43, Вып. 29, с. 410].

«Другие признаки носа: *покляп, переломлен, перелуковат, кореповат, перелук, курчеват, крут* и др., употреблялась и группа сложных образований с компонентом нос: *вскоронос, кляпонос, корконос, сухонос* и т.д.» [6, с. 254]. Вообще-то, прилагательное *покляпный* использовалось в текстах деловой письменности, в первую очередь, для указания на кривизну деревьев (*на иву на покляпую*), но также и для характеристики кривизны носа или фигуры человека, например, *нось покляпъ на правую сторону покривился* (1593) [29]. «Специфическая семантика лексем с корнем *-кляп-* — наклонность, кривизна положения, всего предмета в целом, согнутость. В этом проявляется этимологическое значение основы *-кляп-* (**kler-*), образованной от **klen-/*klon-* (ср. *клонить*) с детерминантом *-р-*. Лексеммы группы *-кляп-* употреблялись исключительно в деловых памятниках, большинство которых относится к севернорусским» — пишет Е.В. Генералова [8].

Итак, описывался размер носа — его длина (*долговат, коротконос, носат*) и ширина (*ноздри пришироки, плоск, сухонос*), особенно детально — форма (*прям, прямоостр, з горбиною, горбонос, остер, курчеват, кривоват, немного вскоросъ, на конецъ толстоватъ*). Прилагательное *курчеватый* имело значение «не прямой, неправильной формы», *сухоносый* — «с узким, острым носом». В народной речи от прозвищ, мотивированных этими устойчивыми индивидуальными приметами, рождались фамильные прозвания, например: полкавои козак Сидор *Носатои* (1657) [20, с. 253], конюх Сергей Сафронов сын *Курнос* (1714), крестьянин *Плосконосов* (1718) [25, с. 24, 235] и др.

Современные прозвища, которые даются людям по форме носа, в своей основе нередко имеют сравнение «с носами кого-либо из живых существ или персонажей, например, мультфильмов или книг. Отсюда и метафоричность многих прозвищ подобного вида: *Ястреб* («нос, как у ястреба»), *Орел* («нос, как у орла»)» [27].

В заемных книгах XVI-XVII вв. **губы** и **зубы** человека упоминаются, как правило, лишь в том случае, если они имеют большой размер или особые приметы, например: *губы толсты* [43, Вып. 8, с. 262], займищ Васька... *губаст, зубаст* (1602) [43, Вып. 6, с. 67], *губастъ, верхняя губа на двое розшиблена* (1593), *а на губе на исподней рубецъ* (1593) [43, Вып. 4, с. 151]. А.Н. Мирославская в статье «Словесный портрет в Древней Руси» пишет: «Кроме врожденных назывались и признаки особо примечательные, резко выделявшие человека среди других: увечья, уродство и др.» [26].

В народно-разговорной речи эти приметы порождали массу прозвищ, ставших основой современных фамилий — *Губан, Губарь, Губастый; Зубарь, Зубака, Зубатый* и др. Примеры из памятников письменности: с Андрюшкою *Губаном* (1687) [43, Вып. 4, с. 151], Евсей *Губанов* (1634) [34, с. 77], Гришка *Губарь* (1595) [43, Вып. 4, с. 151], Федора да Григоря *Губаревых* (1635) [34, с. 24], дьяк Дей *Губастый* (1578) [32, с. 56], холоп *Зубарь* Васильев (1495) [1, с. 90], место Ивашки *Зуборева* (1649) [34, с. 63], Максим *Зубакин* (XV в.) [3, с. 241], Михайлов *снь Зубатои* (1647) [35].

Среди крестьянских прозвищ в Приенисейской Сибири XVII в. Л.М. Городилова отмечает следующие: с толстыми губами или дефектом губ — *Губа*, с особенным носом — *Ноздренок, Клюй* [9]. Соответствующие прозвища в современной русской речи, по наблюдениям М.Ю. Морозовой, «практически единичны и связаны лишь с толстыми большими губами: *Губан, Губастый*. Большинство прозвищ, восходящих к характеру зубов, соотносятся с большими выпирающими передними зубами. Практически все они относятся к разряду достаточно экспрессивных, ибо соотносятся с известными всем апеллятивами: *Заяц, Тушканчик, Бобер, Кролик*» [27].

В памятниках деловой письменности у мужчин описываются также форма и размер **бороды** и **усов**, например: *борода невелика* (1593) [43, Вып. 1, с. 136], *браду же имея долгу и редку* [43, Вып. 4, с. 81], *борода кругленка, не велика* (1683) [43, Вып. 8, с. 80], *усъ выседаетъ* (1594) [43, Вып. 1,

с. 136] (в значении «пробивается, появляется»), *усомъ обнимаецца* [29, с. 15]. Слово *усь* имело значение «усы» или даже «борода» [44].

Итак, признаками бороды по ее размеру и форме являются: *невелика, долга, редка, кругленька*; наличие усов обычно фиксируется только в случае их первого появления на лице молодого человека (*выседает, обнимается*). Имеются также фрагменты с описанием укорачивания бороды: *бороду присекает* (1615) [33, с. 83]. Пример прозвища, мотивированного сочетанием «брить ус»: Игнатка Федоров снь *Бритоус* (1629) [20, с. 269].

Авторы работы, посвященной вербализации внешности человека в русской лингвокультуре, отмечают, что компонент *борода* выступает как «статусный символ мужнины», а пословицы с компонентом *усы* «характеризуют юных мужчин и определяют возраст и степень их зрелости» (*ус молодит, борода старит; ус не пробился; велики усы, а все бороды не выкроишь*) [11]. Показательно, что слова *борода, бородастый* также были востребованы русским антропонимиконом, хотя, казалось бы, само наличие бороды у мужчины не могло быть индивидуальной приметой. Вот некоторые факты: волжский кормщик *Борода* (XVII в.) [4, с. 266], дворник Нестерава Иван *Борадин* (1616) [35, с. 59], Давыдко Онофреев сын *Бородатой* (1630) [20]. То же самое можно сказать о слове *ус* и его производных: судовой работник Яков Иванов *Ус* (XVII в.) [4, с. 282], двор Гостиные сотни Ивана *Усова* (1647) [2, с. 27], Михал Иванов снь *Усатого* (1530) [32, с. 25], да Юрьи Григорьев сын *Усачева* (1575) [3, с. 80], Кирейко Григорьев снь *Усищов* (1578) [32, с. 70].

В современной русской речи в составе прозвищ по признаку наличия «растительности на лице» преобладают метафорические номинации: *Таракан*, («у него тонкие черные усы»), *Усач* («молодой человек, отпустивший усы»), *Кот* («усы, как у кота»), *Бородой* зовут молодого человека, вопреки моде, носившему бороду, а *Козлом* – того, у кого борода, как у козла» (на материале г. Тамбова) [27].

Приметной чертой в описаниях внешности индивида в памятниках деловой письменности является **отсутствие** каких-либо **необходимых частей** лица или тела – носа, зубов, ушей, ног, рук, пальцев на руке, у мужчин – бороды. Вот некоторые примеры: *бороды неть* (1594) [43. Вып. 1, с. 136], *безбород* (1741) [31, с. 165], а сама *безноса* (1525) [43. Вып. 1, с. 121], старица Ульянея девица *безрукая* (1659), изба нишево Федьки *безногово* (1638) [43. Вып. 1, с. 120]. Эти лексемы также были положены в основу многих имен собственных: *Безнос* [49, с. 30], Иван *Безносов*, казанец, винный подрядчик [4, с. 265], сысолетин *Безносилов* (XVII в.) [47. Т. 3], имена *Безух* и *Безрук* [45, с. 31], Василью *Безпалому* (1574) [3, с. 55], Филатка Семенов снь *Безбородатой* (1630) [20, с. 25], крестьянин Болховского уезда *Безбородов* (1714) [25, с. 27]. Известно, что каторжанам также давали фамильные прозвания по их увечьям: *Безносов, Беспалов, Клейменных*.

Можно предположить, что антропонимы с такой структурой формировались на основе словоформ *без бороды, без зубов, без носа*, а не от соответствующих прилагательных, так как в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» вообще отсутствуют статьи с прилагательными типа *безбородый* и *беззубый*, хотя описаны, например, слова *голобородый* и *пустобородый* и др. в значении «лишенный растительного покрова». Толкование прилагательных с начальным *голо-* и *пусто-* дается следующее: *голобородый* – «бреющий бороду», *голобрудый* – «с голыми (лишенными волос) щеками», *гололобий* – «лысый», *голоусый* – «безусый», *пустобородый* – «безбородый». Приведем примеры из памятников письменности: *голобородь* (1596), *бородка невелика, голобрудь* (1596), *молодымь голоусымь черньюцомь; бородка невелика, голощокь* (1597), *пустоборот, голощок* (1603) [43, Вып. 4, с. 62, 69], а также имя собственное – Степан *Гололобов* (1642) [35, с. 90].

Отсутствие волос на голове, являвшееся приметной чертой мужчины, в рассматриваемых источниках обозначается также словом *плешатой* в значении «облысевший», например: А рожеемь Данило въ лице круголь... *плешать* (1595), Лутьян Ондреев лет в пятьдесят... *злызоват, хочет плешиив быти* (1603) [43. Вып. 15, с. 92, 93]; антропоним – усонец *Плешатой* (1651) [47. Т. 2]. Прилагательное *лысый* применялось, как правило, по отношению к животным, особенно к лошадям, имевшим белое пятно на лбу, или *лысину* (одного корня с *лоск, луна*), например: лошак рыжь, *лысь* (1459), даль коня бура, во лбу белая *лысина* (1669) [43. Вып. 8, с. 317].

Во многих контекстах с описанием внешности человека в деловых текстах XVI-XVII вв. отражены **рост и особенности телосложения**, например: *ростомь не великъ, кренасть* [43. Вып. 7, с. 79], *ростомь человек невеликъ* [29, с. 12], *ростомь средней, кренасть* (1600) [43. Вып. 8, с. 28], *ростомь середняя, плосковата* (1666) [43. Вып. 15, с. 100], *возрастомь недоростокь* (1593) [43. Вып.

11, с. 94] (здесь *возраст* в значении «рост»), Овдотья *ростомь середняя* (1594) [43. Вып. 7, с. 79], *ростомь высоковатъ* (1656) [43. Вып. 11, с. 424], *ростом велика* (1594) [43. Вып. 2, с. 190].

Исследователи кабальных книг отмечали, что «описание внешности, требуемое указом, писцы значительно расширяли. Дьяк Алябьев приказал отмечать рост, возраст холопов» [6, с. 251]. Рост описывался при помощи слов, отражающих градацию по высоте: ниже среднего (*невелик, недоросток*), средний (*средний*), выше среднего (*высоковат, высок, велик*). Чаще всего фиксируется средний рост, то есть «промежуточный» между высоким и низким.

В описании телосложения также устоялись определенные номинации: *кренаст, крекнаст* («коренастый, плотного сложения»; этимологически связано со словом *корень*), *плосковат, тонок*. Например: *собою тонокъ, сутулинка невелика* (1600) [43. Вып. 30, с. 28]. Физические недостатки: Дочь его... *горбата* (1593) [29].

Одной из дискурсивных черт официально-делового стиля вообще и рассматриваемых средне-русских текстов является отражение объективной оценки и отсутствие субъективно-оценочных обозначений. Так, в характеристике внешности человека прилагательными *низкий, высокий, средний, толстый, худой* нет никакой субъективной оценочности, а есть лишь констатация самого факта. Однако в народной речи совсем иначе. Например, «в паремиях, как правило, высмеиваются и высокорослые, и низкорослые люди» [11], в современной коммуникации отклонения от стандартного телосложения нередко становятся негативными оценками личности (*Колобок, Дылда, Длинный* и др.). «Худой в русской традиции значит больной, плохой, поэтому и прозвища высоких и худых людей отличаются многообразием» [27].

В истории русского антропонимикона прозвание человека по его росту и телосложению сформировало целый пласт имен собственных, многие из которых дали начало фамилиям, например: Иван *Долгой* (1614), *Короткий* Самсон (1675) [20, с. 251, 252], снъ боярской Ондреи *Танкои* (1616) [34, с. 9], прозвище Третьянь *Горбун* (1600) [43, Вып. 4, с. 81], Ондреевское поместья *Горбатова* (1616) [34, с. 10], *Худяк* Самоилов снъ Кирилов (1605) [20, с. 245], Семен Поликарпов сын *Худякова* (1578) [3, с. 120]. В памятниках деловой письменности Сибири XVII в. среди прозвищных именовании крестьян исследователи отмечают высокий процент антропонимов по внешнему виду человека и его физическим особенностям, в частности, по росту и телосложению: низкорослый человек – *Короткой, Маленкой, Мелкой, Мизгирь*, полный невысокого роста – *Дутой, Круглой*, толстый неповоротливый – *Курдюк*, высокий – *Высота*, худощавый – *Сухой, Сухан*, горбатый – *Горбун* [9].

В кабальных книгах и в других деловых текстах XVI-XVII вв. описание **рук и ног** человека обычно дается только при наличии их физических недостатков или увечий, например: у *обеихъ рукъ мизинцы кривы* (1667) [43. Вып. 1, с. 135], у правые руки *на пальце* промежь верхнимъ и середнимъ суставы *рубець* (1671) [43. Вып. 22, с. 227], *сухорукий* – «с больной (парализованной) рукой, не владеющий рукой» [43. Вып. 29]. Такие индивидуальные приметы также нередко закреплялись в именах собственных: Ондрюшка Микитинъ сынъ *Сухорукой* (1529), Якушко *Толстоногой* (1629) [43. Вып. 29, с. 75, 411], Кудро Семенов *Кривоногой* (1563) [43. Вып. 8, с. 55], на посаде... во дворе *Хромой* Гришка [21, с. 123].

В статье Т.Ф. Ващенко «Лексические данные кабальных записей» приведен список и других специфических признаков внешности человека: «Холоп мог быть *киловат, мощелуват, кощав, щиброват, присадист, похиль, ламывана, курдюковат, бабоват, крекноват, курбатый* («малорослый и толстый»)» [6, с. 254].

Слова *крекноватый* «коренастый, плотного сложения» и *присадистый* «приземистый, коренастый» близки по значению. Примеры из текстов: Влас Осипов сын *ростом присадист* (1603) [43. Вып. 19, с. 270], Иванъ Офонасьевъ сынъ... *крекноватъ* (1592) [43. Вып. 8, с. 28]. *Кощавый* – «худой» (буквально «костлявый»), *курдюковатый* – с толстой нижней частью (подобно жировому *курдюку* у овцы), *киловатый* – имеющий «килу» (опухоль или грыжу), *похиль* – «согнутый книзу, сутуловатый». Примеры в контексте: *кощав* от поста и воздержания [43. Вып. 7, с. 398], Огафьеца... *курдюковата* (1603) [43. Вып. 8, с. 136], *ростом* Беляйко средней... *киловат* (1603) [43. Вып. 7, с. 124], *леть* в дватцать, *молодь*... *похиль* (1596) [43. Вып. 18, с. 52].

В истории русского языка существовал целый ряд сложных прилагательных с начальным **криво-**, связанных с описанием недостатков внешности человека. Многие из них можно восстановить только по именам собственным. Редкая фиксация в памятниках письменности таких слов связана с их народно-разговорным характером. Приведем выявленные факты: *кривобрюхий* / мценской емъщикъ

Данила *Кривобрюхов* (1647) [35, с. 227]; *кривопалый* «с кривыми пальцами» / дворъ с садомъ Игнатъя Микитина сына *Кривопала* (1622) [43. Вып. 8, с. 55], *Кривопалов*, нижегородский посадский человек [4, с. 272]; *криволапый* / курчанин Василевъ крстьянин *Криволапова* (1642) [35, с. 208]; *кривоногий* / Кудро Семенов *Кривоногой* (1563) [43. Вып. 8, с. 55]; *кривоносый* «человек с кривым носом» [51. Вып. 12, с. 167] / *Кривонос* (1567) [1], села Дединова Окимъ *Кривоносовъ* (1647) [33, с. 80]; *криворотый* «с кривым, перекошенным ртом» [51. Вып. 12, с. 168] / Плотникъ Якушко *Криворотой* (1686) [43. Вып. 8, с. 56]; *криворукий* [51. Вып. 12, с. 168]; *кривошея* «человек, имеющий кривую шею» [43. Вып. 8, с. 56] / *Кривошея* (1495) [51. Вып. 12, с. 169], Сергеев сын *Кривошеева* (1613) [2, с. 120]; *кривощекий* / вологжанин *Кривощекин* (1652) [47. Т. 2] и др.

Прилагательное *кривой* в значении «изогнутый, имеющий неправильную форму» восходит к и.-е. *(s)kgei- «крутить, гнуть» [51. Вып. 12, с. 174]. Слова группы *-крив-* становятся широко употребительны с XV в., они используются в том числе в составе топонимов и прозвищ; в XVI–XVII вв. сочетаемость данных прилагательных значительно расширяется, они применяются для номинации любых гнутых, неправильной формы предметов [8].

Ко многим рассмотренным выше образованиям с начальным *криво-* имеются соответствия с начальным *косо-*. Этимологически прилагательное *косой* объясняется как «срезанный (наискось)»: *kosъ от глагольного корня *kes «чесать, срезать» [51. Вып. 11, с. 179]. В применении к человеку прилагательное *косой* (*косый*) в русском языке XVI–XVII вв. специализировалось в значении «имеющий физический недостаток (косоглазие, хромоту и пр.)» [43. Вып. 7].

Рассмотрим некоторые факты: *косолапый* (о щенке) (XVII в.) [43. Вып. 7. С. 366] / дано истобнику Демидку *Косолапу* оброку 10 алтын (1574) [43. Вып. 7, с. 366], приехол ис Курско Лукян *Косолапов* (1621) [35. С. 35]; *косоногий* «имеющий поврежденную ногу, хромоногий», *левая нога коса* (1603) [43. Вып. 7, с. 366], Максемко Федоров сын, лет в 16... *косоног* (1602) [43. Вып. 7, с. 366]; *косорукий* «у кого руки от локтей до запястья идут наискось, в сторону» [12].

Е.В. Генералова в статье, посвященной прилагательным с данными значениями, отмечает, что «в истории русского языка памятники XV–XVII вв. представляют обширный языковой материал, связанный с понятиями «прямое» и «кривое». Это объясняется прежде всего характером языка письменных свидетельств: именно в деловых памятниках, в различных межевых записях, таможенных книгах, в произведениях, содержащих бытовые описания внешности и т.д., фиксируется большинство анализируемых лексем» [8, с. 45]. Автор делает вывод о количественном преобладании лексем со значением «кривой». В то же время «не фиксируемое памятниками XI–XIV вв. прилагательное *косой* становится одним из основных для обозначения кривизны в языке XV–XVII вв., ... можно видеть, как постепенно познавались проявления неоднородного признака кривизны. Основной семантикой *косой* в русском языке становится обозначение не отклонения от прямой линии (ср. *кривой*), а от линии, идущей под прямым углом – наклона» [8].

Характеристика *кривое* или *косое* по отношению к любой части тела человека во все времена была негативной, поскольку выражала мысль о нарушении соразмерности. Считается красивым, когда у человека «правильные черты лица» или «прямой нос», и некрасиво, когда «нос крючковатый», «глаза косые», а «улыбка кривая». Семантическое развитие конкретных, физических значений «кривой» и «косой» в плане их отвлеченности также совершалось в поле отрицательной оценки.

В памятниках деловой письменности существовали пары словообразовательных синонимов типа *криволапый* – *косолапый*, *кривоногий* – *косоногий*, *кривобокий* – *кособокий*, *криворукий* – *косорукий*, *криворотый* – *косоротый* и др. Большинство из этих характеристик применялись не только по отношению к людям, но и к животным, причем, как это следует из имеющихся материалов, исходной сферой номинаций была, по-видимому, семантическая группа «Животные» (показательно, например, что субстантив *косолапый* используется для обозначения медведя).

Факты переноса слов из зоонимической лексики для описания внешности человека, с одной стороны, казалось бы, могут быть рассмотрены как компоненты развернутой зооморфной метафоры (типа «мишка *косолапый*» – о ребенке), в современном русском языке этот вид метафоры является одним из самых распространенных. Однако «в средневековье, – как пишет В.В. Колесов, – развивалось метонимическое мышление, все поверялось подобием смежного, сродного или как часть и целое. Это так далеко зашло, что все изменения языка до XVII в., известные нам из истории, можно объяснить только метонимическим сдвигом значения» [18, с. 11].

Насколько «смежными» являлись русский крестьянин и его лошадь? Приведем лишь два контекста: «въ подводахъ людишка и лошаденка помирають» (1599), «У Посника Ивана лошаденко. У

Нехорошево Олексеева конь да кобыла» (1641) [43. Вып. 8, с. 288]. Мужик и его лошадь всегда были рядом: в переписях упоминаются одной строкой, работают и «помирают» вместе. В такой связке метонимический перенос по цвету (*рыжий, чалый*), форме (*кривобокий*) или по другим признакам неизбежен. «В соответствии с метонимическим принципом контекстных соединений смежность осознается и как пространственно-временная связь, и как различие логически соотносимых предмета и понятия (представления) о предмете: признак, состояние, действие, количество, принадлежность и т.д.» – пишет В.В. Колесов [18, с. 139].

Но можно ли говорить о семантическом переносе в случаях использования прилагательных с цветовым значением, ведь один и тот же цветовой признак может быть у самых разных предметов, например, *синий цвет* у неба, моря, ткани, глаз, цветов. В синхронии это, пожалуй, именно так, но в языковой диахронии, где существуют факты первого и второго порядка, происходит постоянное «своеобразное 'перетекание' значений от одного слова к другому» [18, с. 86], как и заимствование номинативных единиц из одной сферы в другую. Употребление цветового прилагательного также имеет дискурсивную привязанность, о чем свидетельствует, например, наличие прилагательных с узкой или ограниченной сочетаемостью типа *каурый* – о масти лошади, *карий* – о глазах человека.

М.В. Сандакова в монографии «Метонимия прилагательного в русском языке» пишет: «Дискурсивная метонимия, в отличие от узуальной возникает в дискурсе (контексте) как окказиональное смещение определения в рамках изображаемой ситуации, когда свойство «случайно» передается от одного участника другому. Дискурсивная метонимия не связана с семантической деривацией и не приводит к формированию у прилагательного вторичного метонимического значения» [40]. В рассматриваемых нами материалах факты (результаты) метонимического сдвига по модели «внешний вид животного (лошади) > «внешний вид человека» были уже описаны выше. Представим краткий вывод по трем прилагательным со значением цвета.

Прилагательное **рыжий**: *мерин рыж; коня моего рыжава; Рыжко // Федька ...волосьми рыж; Ивашка Рыжьи; Иванъ Светило Рыжко*. Показательно то, что данный цвет в обозначении масти лошади широко варьируется в своих оттенках: *рыжепегий, рыжебурый, в рыже чалый, рыжий въ кауре* и мн. др. [43. Вып. 22]. Наличие развитого словообразовательного ряда свидетельствует об актуальности данного признака в лексико-семантической группе «Масти лошади» в истории русского языка. В группе «Внешность человека» такие тонкости в описании «рыжих» отсутствуют.

Прилагательное **карий**: *мерин карей // волосом карь; волосы светлокари*. Этот тюркизм в русской письменности появился в XIV в. и пришел в русскую речь, как можно предположить, вместе со всей «лошадиной» тематикой (слово *лошадь* тоже тюркского происхождения). Оттенки в описаниях масти лошади: *карепегий, в гнеде карь, в каре голуб* и др. При характеристике внешности человека слово *карий* специализировалось для обозначения цвета глаз (это отражено уже в текстах XVI–XVII вв.), в современном русском языке является словом с ограниченной сочетаемостью.

Прилагательное **сивый**: *сивый жеребец; кобылу сивую; сивко (лошадь темно-серой масти); сивогривый // борода сива; Сивко, Сивогривов*. При описании лошадей использовались и производные от этого прилагательного: *сивопежина* (светлое пятно на темной шерсти животного), *сивожелезый* (темно-серый) и др.

Подводя итог, процитируем слова Е.И. Зиновьевой, посвятившей ряд работ интересующей нас теме: «Интересные описания личности простых русских людей, кабальных холопов содержат Новгородские записные кабальные книги XVI – начала XVII вв. и Новгородские кабальные книги 1614–1616 гг.» [15, с. 8]. На страницах русских памятников деловой письменности словно бы создан типовой портрет русского человека XVII века во всем его многообразии. «Ивашка» в основных своих типических чертах был *рус, круглолиц, сероглаз, румян, с пробивающимися усами и бородой, среднего роста*. При этом в его облике в полной мере отражены и непростые жизненные обстоятельства.

Находим также и целые «семейные портреты», например: «А ростомъ Иванко человекъ средней, волосомъ русь, очи серы. А жена де ево Иванкова ростомъ середняя, волосомъ черна, лицомъ смугла, очи черны; а дети де ево: дочь Марьица летъ в пятнатцать, волосомъ руса, лицомъ бела, круглолица, очи черны, а другая де дочь Феклица, лет в девять, волосомъ чермна, очи серы» [29, с. 10]. На этом «портрете» муж – русский, сероглазый, жена черноволосая, черноглазая, дочери – одна русая, черноглазая, другая рыжая, сероглазая. Эта картина вполне соответствует облику типичной семьи и в современной России.

Описание внешности человека в памятниках деловой письменности с использованием имен прилагательных (в основном, в функции предиката) и отражение внешнего облика человека в именах

существительных-антропонимах – это две разные позиции при взгляде на объект. Характеризуемая структура одна и та же («ручки, ножки, огуречик, получился человечек»). В памятниках письменности основными семантическими категориями являются «цвет волос», «форма лица», «рост», «телосложение», «возраст» человека. Среди прозвищ по внешнему виду человека также выделяются подгруппы по цвету волос, лица, тела, по росту, особенностям конституции и другим характерным признакам внешности. Таким образом, сопоставление двух типов языковых сфер показало, что выделялись одни те же черты, хотя и в различном соотношении.

И в деловом языке, и в прозвищной стихии основной целью использования признаков слов являлась *идентификация* человека по его внешним приметам. Но в то же время основной побудительной причиной в кабальных записях, например, являлась возможность *опознания* холопа в будущем, а в народном имятворчестве – выделение конкретного человека *в актах живой коммуникации*.

В текстах деловой письменности, где человек характеризуется через набор признаков, использовались имена прилагательные, причем в роли предиката. Так, во фрагменте «*а в приметы заимцикъ волосом темнорус, глаза кари, носъ прямъ, у обеихъ рукъ мизинцы кривы, белоликъ, ростом середней*» (1667) [43. Вып. 1, с. 135] отражены шесть индивидуальных признаков человека: волосы – темнорусые, глаза – карие, нос – прямой, мизинцы – кривы, цвет лица – белый, рост – средний. Все они перечислены в определенном порядке и как бы при осмотре человека сверху вниз, а в конце дается еще и общий взгляд на описываемого (цвет лица и рост). Здесь характеристика внешности человека строится в виде сообщения. Как пишет И.Р. Гальперин, «по существу говоря, предикация есть не что иное, как собственно сообщение» [7, с. 100].

Признаковое имя собственное в речи – это существительное, цель которого не предикация, а номинация. Оно позволяет называть отдельное лицо в целом, а не характеризовать его по одной лишь примете, отраженной в наименовании. Например, у прозвища *Рыжий* признак, положенный в основу номинации, – цвет волос, однако не он является актуальным при использовании данного имени, а индивидуальная соотношенность с конкретным человеком. В текстах памятников деловой письменности антропонимы используются, как правило, в позиции подлежащего или дополнения («*Федор Ребои явил кабылу*», «*послано с Сивкомъ четыре алтыны*»). И в процессе антропонимизации, то есть образования онима от имени нарицательного, имя человека также обычно представляет собой номинативный знак.

Если признаки характеристики человека при описании его внешности в памятниках деловой письменности представляют собой компоненты предикативных сочетаний, типа *усом бел*, то в начале цепочки, ведущей к имени собственному, находится атрибутивное сочетание, типа *белый ус* (> Белоус > сын Белоусов > Белоусов). М.В. Сандакова в статье «Прилагательное в позиции атрибута и предиката» пишет о том, что «атрибут предназначен для выражения свойства, внутренне присущего предмету. Например, *высокий дом* – это название предмета с выделением одного из его признаков – высоты. В отличие от монолитного атрибутивного словосочетания, в предикатной структуре субстанция и ее характеристика не сливаются друг с другом. Предикация – это установление определенной связи между носителем и свойством, присвоения предмету свойства, причем такое присвоение и составляет цель самого акта предикации. Предикат содержит характеристику, которая представляет собой нечто приписываемое предмету извне» [41].

В рассматриваемом нами материале различие между описанием внешности человека в деловом тексте, где «присвоение» лицу характеристики составляет «цель самого акта предикации», и отражением внешней черты человека как «внутренне присущей предмету» в имени собственном через «монолитное» атрибутивное словосочетание действительно присутствует существенная лингвистическая разница как в намерениях авторов речевых актов, так и в их результатах. Это различие обусловлено разными сферами коммуникации – формирующимся в XVI–XVII вв. деловым дискурсом, с его шаблонами, и дискурсом бытовым, в котором также существуют свои закономерности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984.
2. *Акты писцового дела (1644 – 1661 гг.)*. М.: Наука, 1977.
3. *Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря. 1572 – 1584 гг.* Л.: Наука, 1990.

4. *Бакланова Н.А.* Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
5. *Большой* толковый словарь современного русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.
6. *Ващенко Т.Ф.* Лексические данные кабальных записей // Новгородские кабальные книги как памятник общенациональной судебной деловой письменности. 1971, № 96, вып. 7, с. 68-91.
7. *Гальперин И.Р.* Информативность единиц языка. М.: Высшая школа, 1974.
8. *Генералова Е.В.* Прилагательные со значениями `прямой` и `кривой` в русском языке XV—XVII вв. // Вестник СПбГУ. Сер. Языкознание. Литература. История. 1999, № 2. С. 45-53.
9. *Городилова Л. М.* Прозвищные именованья крестьян в памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири XVII в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. – Том 14. – Вып. 2. – С. 368–378.
10. *Григорьева Т.В.* Семантическая интерпретация концептов "Свет" и "Тьма" в русском языке. Уфа, 2004.
11. *Дахкаи С.К.Н., Сафонова С.* Вербализация внешности человека в русской лингвокультуре // Филология и культура. – 2019. – № 4(58):
12. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991 – 1993. Т. 1–4.
13. *Демкин А.В.* Русское купечество XVII-XVIII вв.: Города Верхневолжья. М.: Наука, 1990.
14. *Зиновьев В.Н.* Об исторических изменениях в структуре лесико-семантической группы «Части тела» в русском языке // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Межвуз. сб. Горький: ГГУ, 1979. С. 73-90.
15. *Зиновьева Е.И.* «Лицом румяна рожа толста» // Русская речь. – 1993. – № 5. С.76-82.
16. *История и культура Вятского края.* М.: Академический Проект: Константа, 2005.
17. *Кезина С.В., Перфилова М.Н.* Динамика валентности цветообозначений в истории русского языка // Российский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 1. С. 67 – 79.
18. *Колесов В.В.* Слово и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004.
19. *Коротун О.В.* Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2002.
20. *Котков С.И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI – XVIII веков. М.: Наука, 1976.
21. *Котков С.И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980.
22. *Курлаев Е.А., Манькова И.Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: У истоков российской промышленной политики. М.: «Древлехранилище», 2005.
23. *Лопатин В.В., Лопатина Л.Е.* Русский толковый словарь. М.: Русский язык, 2000.
24. *Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича.* Т. 1: Губернии Астраханская, Вятская, Нижегородская, Самарская, Саратовская и Симбирская / Изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012.
25. *Материалы по истории* крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М.: АН СССР, 1951.
26. *Мирославская А.Н.* Словесный портрет в Древней Руси // Русская речь. 1978. № 5. С. 120-124.
27. *Морозова М.Ю.* Категория оценки в прозвищном антропонимиконе Тамбовской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2016.
28. *Мосин А. Г.* Исторические корни уральских фамилий. – Екатеринбург, 2008.
29. *Новгородские записные кабальные книги 100-104 и 111 годов: (1591-1596 и 1602-1603 гг.).* М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938.
30. *Памятники деловой письменности XVII в.* Владимирский край. Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1984.
31. *Памятники московской деловой письменности XVIII в.* Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1981.
32. *Памятники русской письменности XV-XVI вв.* Рязанский край. Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1978.
33. *Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII в.* Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1990.
34. *Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги.* Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1977.
35. *Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги.* Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1982.
36. *Питка Я.П.* Особенности цветообозначения мастей лошади в русском и французском языках // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 102-107.
37. *Пищальникова В.А.* Некоторые особенности функционирования цветочных прилагательных в русских говорах // Исследования по семантике. Лексическая и фразеологическая семантика. Межвузовский науч. сб. Уфа, 1982. С. 126-131.
38. *Полякова Е.Н.* Лексика местных деловых памятников XVII – начала XVIII века и принципы ее изучения. Пермь: Пермский ун-т, 1979.
39. *Садькова И. В.* Обозначение красного цвета в русском языке в историко-этимологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006.
40. *Сандакова М. В.* Метонимия прилагательного в русском языке: монография. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004.
41. *Сандакова М.В.* Прилагательное в позиции атрибута и предиката // Вестник Вятского государственного университета, 2007, № 16. С. 94-100.

42. *Словарь русских народных говоров*. Т. 1 – 49. М.; СПб.: 1965 – 2016.
43. *Словарь русского языка XI – XVII вв.* Вып. 1 – 30. М., СПб., 1975-2015.
44. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб, 1893.
45. *Суперанская А.В.* Структура имени собственного. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1969.
46. *Суперанская А.В., Сулова А.В.* Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981.
47. *Таможенные книги Московского государства XVII в.* Т. 1 – 3. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма. М.; Л., 1950 – 1951.
48. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: АСТ: Астрель, 2009.
49. *Чичагов В.К.* Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М.: Учпедгиз, 1959.
50. *Шанский Н.М.* Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004.
51. *Этимологический словарь славянских языков.* Прагский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева. Вып. 1-41. М.: Наука, 1974-2018.
52. *Яцкин И.В.* Кабальное холопство // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1996. Т. 2. С. 417-418.

Поступила в редакцию 27.01.2022

Шейдаева Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор
 ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
 E-mail: Sheidaeva@mail.ru

S.G. Sheidayeva

**IVASHKA FROM THE 17TH CENTURY: REFLECTION OF A PERSON'S APPEARANCE
 IN RUSSIAN BUSINESS WRITTEN RECORDS AND IN THE SYSTEM OF ANTHROPONYMS**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-697-715

This article considers the reflection of an outer image of a person in a speech (a text) and in the language system based on material of comparing the data from the Russian business written records of XVI–XVII centuries and the historical processes of anthroponymization. Such characteristics as the color of hair, eyes and a face, the size and the shape of a face and its parts, the body features and other ones have been identified and described. In the group of coloratives we have found a transfer of color adjectives from the sphere of zoonyms characterized as facts of discursive metonymy (*ryzhyi* [red], *karii* [brown], *sivyi* [gray], etc.), as well as the use of multi-structural adjectival nominations to designate different color shades (*rus* [light-brown], *belorus* [tow-haired], *vcherni rus* [dark-haired]). This paper studies semantic oppositions in describing the shape of a face (*krugloye* [round], *prodolgovatoye* [long], *ploskolitseye* [flat-faced]), the shape of a nose (*dolgovat* [rather lengthy], *korotkonos* [short-nosed], *ploskonos* [flat-nosed]), etc. Lack of some human attributes (*bezborodyi* [beardless], *goloborodyi* [bare-bearded], *golousyi* [bare-mustached], *beznosyi* [noseless], *bespalyyi* [fingerless]) also turned out to be expressed in various linguistic units. This comparative analysis of the facts characterizing a person's appearance both in business written records of XVI–XVII centuries and in nicknames' nominations of the same time period, on the one hand, has demonstrated the use of the same source which is the adjective vocabulary of the Russian language as well as the presence of a common goal expressed in the identification of a person by his appearance. On the other hand, we have found out a noticeable difference in the choice of characteristic features and the linguistic patterns being created: if in the written records the distinctive-feature characteristics of a person are presented by components of predicative combinations (*usom bel* [the moustache is white]), then there is an attributive phrase at the beginning of a chain that goes to a surname by passing a nickname phase (*belyi us* [white moustache] > *belous* [white-mustached] > *Belous* [White-Mustached {a nickname}] > *syn Belousov* [son of the White-Mustached] > *Belousov* [Belousov {a surname}]). The discrepancy is in the function of a message (predication) and the function of naming (nomination) which is generally conditional upon different discursive spheres: a business-related sphere and an everyday one.

Keywords: history of the Russian language, adjectives in written records, description of a person's appearance.

REFERENCES

1. Azarkh Yu.S. *Slovoobrazovaniye i formoobrazovaniye sushchestvitelnykh v istorii russkogo yazyka* [Word and form making of the noun in the history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1984. (In Russian).
2. *Akty pistsovogo dela 1644-1661 gg.* [Acts of cadasters 1644 – 1661 yrs.]. Moscow, Nauka Publ., 1977. (In Russian).

3. *Akty sotsialno-ekonomicheskoy istorii severa Rossii kontsa XV – XVI vekov. Akty Solovetskogo monastyrya. 1572-1584 gody* [Acts of socio-economic history of the North of Russia at the end of XV–XVI centuries. Acts of the Solovetsky Monastery. 1572-1584 yrs.]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. (In Russian).
4. Baklanova N.A. *Torgovo-promyshlennaya deyatelnost' Kalmykovykh vo vtoroy polovine XVII v. K istorii formirovaniya russkoy burzhuazii* [The Kalmykovs' industrial and commercial activity in the second half of XVII century. Background for the Russian bourgeoisie generation]. Moscow, ASUSSR Publ., 1959. (In Russian).
5. *Bolshoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 4 t.* [Big explanatory dictionary of the modern Russian language. In 4 Volumes]. Ushakov D.N. (ed.). Moscow, 2000. (In Russian).
6. Vashchenko T.F. *Leksicheskiye dannyye kabalnykh zapisey* [Lexical data of kabala records]. *Novgorodskiyе kabalnyye knigi kak pamyatnik obshchenatsionalnoy sudebnoy delovoy pismennosti* [Novgorod Kabala Books as Written Records of the Nation-Wide Judicial Business Writing], no. 96, ed. 7, 1971, pp.68-91. (In Russian).
7. Galperin I.R. *Informativnost' edinits yazyka* [Informativeness of language units]. Moscow, Vysshaya shkola publ., 1974. (In Russian).
8. Generalova E.V. *Prilagatelnyye so znacheniyami 'pryamoi' i 'krivoi' v russkom yazyke XV-XVII vv.* [Adjectives meaning 'straight' and 'curve' in Russian of XV-XVII centuries]. *Vestnik SPbGU. Ser. Yazykoznaniiye. Literatura. Istotiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. Linguistics. Literature. History], 1999, no. 2, pp. 45-53. (In Russian).
9. Gorodilova L.M. *Prozvischnyye imenovaniya krestian v pamyatnikakh delovoy pismennosti Prieniseyskoy Sibiri XVII v.* [Nicknames of peasants in business written records of the Yenisei Siberia of XVII century]. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues], 2021. Vol 14, no. 2, pp. 368-378. (In Russian).
10. Grigoryeva T.V. *Semanticheskaya interpretatsiya kontseptov 'Svet' i 'T'ma' v russkom yazyke.* [Semantic interpretation of the concepts 'light' and 'darkness' in the Russian language]. Ufa, 2004. (In Russian).
11. Dakhkai S.K.N., Safonova S. *Verbalizatsiya vneshnosti cheloveka v russkoy lingvokulture* [Verbalization of human appearance in Russian linguistic culture]. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], 2019, no. 4 (58). (In Russian).
12. Dal' V.I. *Tolkovyi Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, 1991 – 1993. Vol. 1-4. (In Russian).
13. Demkin A.V. *Russkoye kupechestvo XVII-XVIII vv.: Goroda Verkhnevolzhya* [Russian merchant class of XVII–XVIII centuries: towns of the Upper Volga]. Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russian).
14. Zinoviev V.N. *Ob istoricheskikh izmeneniyakh v strukture leksiko-semanticheskoy gruppy 'Chasti tela' v russkom yazyke* [On historical changes in the structure of the lexical-semantic group "Parts of Body" in the Russian language]. *Evolyutsiya i predystoriya russkogo yazykovogo stroya* [Evolution and Prehistory of the Russian Language Structure], Interuniversity Collection. Gorky, Gorkovsky State University, 1979, pp. 73-90. (In Russian).
15. Zinovieva E.I. *'Litsom rумыana rozha tolsta'* [The face is blush-red the face is thick]. *Russkaya Rech'* [Russian Speech], 1993, no. 5, pp.76-82. (In Russian).
16. *Istoriya i kultura Vyatskogo kraya* [History and Culture of the Vyatka Region]. Moscow, Akademicheskyy Proyekt: Konstanta Publ., 2005. (In Russian).
17. Kezina S.V., Perfilova M.N. *Dinamika valentnosti tsvetooboznacheniy v istorii russkogo yazyka* [Dynamics of color naming valence in the Russian language history]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 2017. Vol. 6, no. 1, pp. 67 – 79. (In Russian).
18. Kolesov V.V. *Slovo i delo: Iz istorii russkikh slov* [The Words and deeds: Excerpts on the history of Russian words]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2004. (In Russian).
19. Korotun O.V. *Obraz-kontsept 'vneshniy chelovek' v russkoy yazykovoy kartine mira: avtoref. dis. ... kand.filol.nauk* [Image-concept 'the External Man' in the Russian linguistic picture of the world: Abstract of thesis]. Omsk, 2002. (In Russian).
20. Kotkov S.I. *Ocherki po leksike yuzhnovelikorusskoy pismennosti XVI-XVIII vekov* [Essays on the vocabulary of the South Russian written language of XVI- XVIII centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1976. (In Russian).
21. Kotkov S.I. *Lingvisticheskoye instochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka* [Linguistic source study and history of the Russian language]. Moscow: Nauka Publ., 1980. (In Russian).
22. Kurlayev E.A., Mankova I.L. *Osvoeniye rudnykh mestorozhdeniy Urala i Sibiri v XVII v.: U istokov rossiyskoy promyshlennoy politiki* [Orefield developments of the Urals and Siberia in XVII century: at the origins of Russian industrial policy]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2005. (In Russian).
23. Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Russkiy tolkovyi slovar'* [Russian explanatory dictionary]. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 2000. (In Russian).
24. *Materialy k 'Russkomu provintsialnomu nekropolu' velikogo knyazya Nikolaya Mikhailovicha. T.1: Gubernii Astrakhanskaya, Vyatskaya, Nizhegorodskaya, Samarskaya, Saratovskaya i Simbirskaya* [Materials for the 'Russian Provincial Necropolis' of the Grand Prince Nikolai Mikhailovich. Vol. 1: governorates of Astrakhan, Vyatka, Nizhny Novgorod, Samara, Saratov and Simbirsk]. Shilov D.N. (ed.). St. Petersburg, 'Dmitry Bulanin' Publ., 2012. (In Russian).

25. *Materialy po istorii krestianskogo i pomeshchichego khozyaistva pervoi chetverti XVIII veka* [Materials on the history of peasant and pomeshchik's household in the first quarter of XVIII century]. Moscow, ASUSSR publ., 1951. (In Russian).
26. Miroslavskaya A.N. Slovesny portret v Drevney Rusi [Verbal portrait in Ancient Rus']. *Russkaya Rech'* [Russian Speech], 1978, no. 5, pp. 120-124. (In Russian).
27. Morozova M.Yu. *Kategoriya otsenki v prozvizhchnom antrponimikone Tambovskoy oblasti: aftoref.dis. ... kand.filol.nauk* [Evaluation category in the nicknames' anthroponymicon of the Tambov Region. Abstract of thesis]. Tambov, 2016. (In Russian).
28. Mosin A.G. *Istoricheskiye korni uralskikh family* [Historical roots of the Urals' surnames]. Ekaterinburg, Goshitsky Publ., 2008. (In Russian).
29. *Novgorodskiyeh zapisnyeh kabalnyeh knigi 100-104 i 111 godov: (1591-1596 i 1602-1603 gg.)* [Novgorod Register Books of Kabala of 100-104 and 111 years: (1591-1596 and 1602-1603)]. Moscow, Leningrad, ASUSSR Publ., 1938. (In Russian).
30. *Pamyatniki delovoy pismennosti XVII v. Vladimirskiy krai.* [Business Manuscripts of XVII century. Vladimirsky Krai]. Kotkov S.I. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1984. (In Russian).
31. *Pamyatniki moskovskoy delovoy pismennosti XVIII v.* [Moscow business manuscripts of XVIII century]. Kotkov S.I. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1981. (In Russian).
32. *Pamyatniki delovoy pismennosti XV-XVII vv. Ryazansky krai.* [Business Manuscripts of XV-XVII centuries. Ryazansky Krai]. Kotkov S.I. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1978. (In Russian).
33. *Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya. Konets XVI – nachalo XVII v.* [Manuscripts of the South-Russian dialect. The End of XVI – the beginning of XVII century]. Kotkov S.I. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russian).
34. *Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya. Otkaznyeh knigi.* [Manuscripts of the South-Russian dialect. Allotment books]. Kotkov S.I. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1977. (In Russian).
35. *Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya. Tamozhenniye knigi.* [Manuscripts of the South-Russian dialect. Customs books]. Kotkov S.I. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1982. (In Russian).
36. Pitka Ya.P. Osobennosti tsvetoooboznacheniya mastey loshadey v russkom i frantsuzskom yazykakh [Specifics of color naming of horse coat colors in Russian and French]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University], 2017, no. 2, pp. 102-107. (In Russian).
37. Pishchalnikova V.A. Nekotoryeh osobennosti funktsionirovaniya tsvetovykh prilagatelnykh v russkikh govorakh [Some aspects of color adjectives functioning in Russian dialects]. *Issledovaniya po semantike. Leksicheskaya i frazeologicheskaya semantika. Mezhvuzovskiy nauch. sb.* [Semantics Studies. Lexical and Phraseological Semantics. Interuniversity Scientific Collection]. Ufa, 1982, pp. 126-131. (In Russian).
38. Polyakova E.N. *Leksika mestnykh delovykh pamyatnikov XVII – nachala XVIII veka i printsipy eyo izucheniya* [Vocabulary of local business written records of XVII – early XVIII centuries and the principles of its study]. Perm, Perm University Publ., 1979. (In Russian).
39. Sadykova I. V. *Oboznacheniyeh krasnogo tsveta v russkom yazyke v istoriko-etimologicheskoy aspekte: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The designation of red in Russian in the historical-etymological aspect. Abstract of thesis]. Tomsk, 2006. (In Russian).
40. Sandakova M. V. *Metonimiya prilagatel'nogo v russkom yazyke* [Metonymy of the adjective in the Russian language]. Kirov, Vyatsky State University Publ., 2004. (In Russian).
41. Sandakova M.V. *Prilagatel'noye v pozitsii atributa i predikata* [The Adjective in the position of an attribute and a predicate]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2007, no. 16, pp. 94-100. (In Russian).
42. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–49. Moscow, St. Petersburg, 1965-2016. (In Russian).
43. *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of XI-XVII centuries], no 1–30. Moscow, Nauka Publ., 1975–2015. (In Russian).
44. Sreznevsky I.I. *Materialy dlya slovaryah drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the Old Russian language according to written records]. St. Petersburg, 1893. (In Russian).
45. Superanskaya A.V. *Struktura imeni sobstvennogo. Fonetika i morfologiya* [Proper name structure. Phonetics and morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1969. (In Russian).
46. Superanskaya A.V., Suslova A.V. *Sovremennyyeh russkie familii* [Modern Russian surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1981. (In Russian).
47. *Tamozhenniye knigi Moskovskogo gosudarstva XVII v. T. 1-3. Severny rechnoy put': Ustyug Veliky, Solvychegodsk, Tot'ma* [Customs books of Muscovite state of XVII century. Vol. 1-3. The North River route: Veliky Ustyug, Solvychegodsk, Tot'ma]. Moscow, Leningrad, 1950-1951. (In Russian).
48. Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]: In 4 Volumes. Moscow, Astrel' Publ., 2009. (In Russian).
49. Chichagov V.K. *Iz istorii russkikh imyon, otchestv i familii* [From the history of Russian names, patronymics and surnames]. Moscow, State Publishing House of Educational and Pedagogical Literature, 1959. (In Russian).

50. Shansky N.M. *Shkolny etimologichesky slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdeniye slov* [School etymological dictionary of the Russian language. The origin of words]. Moscow, Bustard publ., 2004. (In Russian).
51. *Etimologichesky slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyansky leksicheskiy fond. Vyp. 1-41* [Etymological dictionary of the Slavic languages. The Proto-Slavic lexicon. No 1-41]. Trubachev O.N., Zhuravleva A.F. (eds.). Moscow, Nauka Publ., 1974-2018. (In Russian).
52. Yatskin I.V. *Kabalnoye kholopstvo* [Bonded servility]. *Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do 1917. Entsiklopedia* [National history. History of Russia from the ancient times to 1917. Encyclopedia]. Moscow, 1996. Vol. 2, pp. 417-418. (In Russian).

Received 27.01.2022

Sheidayeva S.G., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: Sheidaeva@mail.ru